CONAN
КОНАН
И МЕЧ КОЛДУНА
Северо-Запад

Annotation

Продолжение «Гиперборейской колдуньи».
Конан с сыном отправляются в погоню за Тот-Амоном.

- Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
  - Черный сфинкс Нептху
    - 1. Поле черепов
    - 2. Вестник судьбы
    - 3. Поход к Стиксу
    - 4. За Рекой Смерти
    - 5. Город мертвых
    - 6. Каменное чудовище
    - 7. Зрячие тени
    - 8. Ночной призрак
    - 9. Оружие стигийцев
    - 10. Белый друид и черный маг
    - 11. Исчадие тьмы
    - 12. Пиршество черного зверя

Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
Ветры Аквилонии — 2

Черный сфинкс Нептху

1. Поле черепов

Над истерзанной, залитой кровью землей Зингары эбеновым покровом нависла ночь. Бледный, скалящийся лик луны смотрел сквозь рваные облака, несущиеся по небу, на объятую смертью землю. Раввина, полого спускавшаяся к устью мелководной Алеманы, была усеяна трупами людей и коней. Здесь лежали сотни и сотни рыцарей и иоменов, — лица одних были погружены в лужи застывшей крови, другие — те, что лежали на спине, — бесстрастно взирали своими окостеневшими глазами на хищно щерящийся месяц. С радостным омерзительным повизгиванием гиены справляли свой пир, — отовсюду слышался хруст костей и чавканье. В этом неприютном северовосточном уделе Зингары людей всегда было мало; долгие века войн с пуантенцами, жившими по другую сторону реки, сделали эти места почти необитаемыми. Люди здесь встречались едва ли не реже, чем волки и леопарды. В народе поговаривали, что с недавних пор здесь поселились и упыри, обитавшие прежде на холмах в центральной части Зингары. Сегодня праздник справляли и они.

Зингарцы называли это мрачное место Полем Черепов. Никогда прежде край этот не оправдывал так своего названья, никогда прежде земли его не пили столько человеческой крови, никогда прежде подобное воинство не полегало на ратном поле.

Здесь захлебнулись в крови тщеславные мечтанья Панто, герцога Гварралидского, исполнившегося решимости занять пустующий королевский трон. На эту

карту Панто поставил все. Вместе со своей бандой он завладел западными провинциями Аргоса и стал их владыкой. В битве с ним погибли и старый король Аргоса Мило, и его старший сын, который должен был взойти на королевский престол вслед за отцам.

Разгромив аргоссцев, герцог Панто неожиданно перешел Алиману и напал на солнечный Пуантен. Считалось, что так он хотел укрепить свой тыл перед атакой на зингарскую столицу Кордаву. Впрочем, об этом можно было лишь гадать, ибо аквилонский меч навсегда лишил герцога дара речи.

В тавернах поговаривали о том, что в герцога вселился демон, — некий колдун, завладев душою Панто, сделал его своим послушным орудием. Впрочем, предприятие это заранее было обречено на провал, — все понимали, что леопардам Пуантена никогда не удастся совладать с аквилонским львом. Король Конан, правивший самым могущественным

королевством Запада, повел свои железные легионы на борьбу с вероломным Панто, угрожавшим его южным границам.

Первое сражение состоялось на зеленых лугах Пуантена. Неистовая атака зингарцев была остановлена хладнокровными воинами из Гандерланда, боссонские же лучники заставили рыцарей Панто повернуть назад. Не успел Панто начать вторую атаку, как Конан поднял свою кавалерию. Возглавили ее гвардейцы аквилонского короля — Черные Драконы. Во главе воинства скакал сам Конан, ратная слава которого защищала его лучше всякой кольчуги.

Зингарцы пустились в бегство, — они отходили в Зингару по Пуантенским Топям. Разгневанный Конан направил свое воинство по другой дороге. На Поле Черепов, что лежало к югу от Алиманы, армии снова сошлись. Конан наголову разгромил противника, — в живых осталось всего несколько зингарцев. Мечтанья Панто утонули в море крови.

На холме, возвышавшемся над усыпанным трупами полем, стоял огромный шатер. Над ним развевалось черное знамя с золотым львом — знамя короля Конана. У подножья холма стояли шатры рыцарей, в одном из которых расположился пуантенский дворянин. Старый граф Тросеро Пуантенский пытался умерить боль вином, в то время как врачи перебинтовывали его раны.

Солдатские палатки стояли на поле. Утомленные воины грелись у костров; многие уже спали. Кое-где солдаты разыгрывали в кости свои боевые трофеи позолоченные щиты, островерхие шлемы и мечи с богато убранными рукоятями. На рассвете они должны были направиться в глубь Зингары с тем, чтобы положить конец раздиравшим ее распрям и возвести на пустующий престол своего наместника.

Перед королевским шатром с мечами наголо стояли Черные Драконы, охранявшие покой своего повелителя. Однако Конану в эту ночь спать не пришлось. В шатре были зажжены все фонари. Вкруг складного походного стола, инкрустированного слоновой костью из далекой Вендии, сидели походные командиры. На столе были разложены карты. Король готовил своих офицеров к походу.

Ратного опыта ему было не занимать, — вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как он впервые вышел на поле брани. Время посеребрило его некогда черные волосы; изуродованное шрамами лицо было изрезано глубокими морщинами. Годы скитаний в дальних странах не прошли для него бесследно, однако былой силы он еще не утратил, да и синие глаза его горели все так же ярко.

Не отрывая взгляда от карты, Конан приказал принести вина. На полученные в бою раны он не обращал никакого внимания, хотя другого они надолго вывели бы из строя. Пока Конан беседовал с офицерами, оруженосцы подносили ему блюдо за блюдом, а врач осторожно промывал и перебинтовывал его раны.

— Этот рубец придется зашивать, мой господин, — тихо сказал хирург.

— Валяй! Если буду ругаться, не обращай на меня внимания. Палантид, скажи-ка, каким путем лучше всего идти в Стигию?

— Этим, мой господин, — ответил генерал, ткнув пальцем в карту.

— Эге… Я здесь уже бывал. Этой самой дорогой я ушел от колдуна Ксалтотуна…

Конан надолго замолчал. Подперев кулаком голову, он предался воспоминаниям. С той поры, как он сразился со страшным колдуном из Ахерона, прошло уже пятнадцать лет. И тут Конана посетила странная мысль. Герцог Панто считался коварным и умелым воином, однако в последнее время он вел себя как безумец. Лишь последний глупец или человек, окончательно сошедший с ума, мог напасть на одну из самых верных и сильных провинций Конана. Конан, сошедшийся с Панто в бою и страшным ударом раскроивший ему череп, не назвал бы его ни глупцом, ни сумасшедшим.

Ему вдруг подумалось, что за Панто кто-то стоит, чья-то незримая рука управляет действиями зингарца. Киммериец чувствовал, что дела обстоят не так просто, как ему представлялось вначале. Похоже, и здесь не обошлось без колдовства.

2. Вестник судьбы

Капитаном Королевской гвардии в эту ночь был уроженец Кофа Амрик; в златостенную Тарантию его привели легенды о силе и отваге короля Конана. Черные Драконы величали Амрика «Быком», ибо он был силен, отважен и неистов в бою. Амрик был широк в плечах и говорил басом. Как и большинство обитателей Кофа он был смугл. Вьющаяся черная борода говорила о том, что в нем была частичка шемской крови.

К королевскому шатру поднимался маленький человечек в грязных белых одеждах. Его смог узнать только Амрик.

— Клянусь пламенем Молоха! — воскликнул капитан. — Если это не друид из страны пиктов, можете считать меня евнухом! — Переложив меч в левую руку, Амрик поднял правую руку в предупредительном жесте.

Человечек засмеялся, продолжая идти вперед как ни

в чем не бывало. Его слегка пошатывало. Амрик решил, что друид пьян.

— Твой грех раскрыт, Амрик из Хоршемита! — внезапно услышал он.

Амрик грязно выругался, помянув имена всех восточных божков. Он заметно побледнел, на лбу выступили капельки пота. Гвардейцы изумленно посмотрели на него, ибо знали о его мужестве и честности, и перевели глаза на странного незнакомца.

Этот пожилой человечек выглядел совершенно безобидно. Он был почти лыс; с бледного дряблого лица на них взирали водянистые голубые глаза. Ноги его были тонкими, как у птицы. Откуда здесь мог появиться этот человечек, было совершенно непонятно, — на воина он явно не походил.

— Бык, да он знает тебя! — проревел светловолосый Ванр. — Дедуля, о каких это грехах ты говоришь, — у него что, — ребенок где-то на стороне, или, может быть, он задолжал в питейной лавке столько, что и герцогу за него не расплатиться?

Стражники захохотали, но Амрик тут же прикрикнул на них:

— Попридержите свои языки, выродки! Повернувшись к человечку, что с ангельской улыбкой стоял, опершись на посох, капитан поклонился ему и снял с головы свой шлем.

— Чем я могу быть вам полезен, Святой Отец? — неожиданно вежливо обратился он к старичку, хотя на языке у него были совсем другие слова.

Амрик не забыл урока, полученного им в те времена, когда он служил на Боссонских Топях. Там он не единожды убеждался в том, что тщедушные людишки в белых одеяниях, таких же как у этого старичка, обладают чудовищной силой. На головах эти люди косили золотые обручи, свидетельствовавшие об их сане, в руках же их всегда был дубовый посох. Эта были друиды, жрецы лигурийцев. Светлокожие лигурийцы жили небольшими кланами в стране пиктов вместе с ее коренными жителями, что были ниже их ростом и смуглее. Лигурийцы и сами были варварами, пикты же рядом с ними казались настоящими дикарями. Дикари эти не боялись ни бога, ни черта, одна ко к друидам относились крайне уважительно.

— Я должен переговорить с вашим королем, прежде чем он ляжет спать, ответил друид и тут же добавил: — Я — Дивиатрикс, верховный друид страны пиктов. Передай своему королю, что я пришел к нему из Великой Рощи и принес с собой послание. Владыки Света повелели мне принять участие в судьбе их слуги Конана.

Бык Амрик поежился, помянул про себя имя Митры и покорно отправился в шатер.

Конан отправил офицеров по шатрам, приказал принести горячего вина и сел за стол. Раны его ныли, но это не мешало ему слушать маленького посланника страны пиктов.

Король Аквилонии не придавал особого значения монахам и жрецам, какому бы богу они ни служили Его собственный киммерийский бог Кром не обращал на людей никакого внимания; его не заботили ни горести их, ни их страдания. Кром был одним из Древних Богов; однажды он играючи слепил из комка глины Землю и заставил ее кружиться среди звезд. Дальнейшая судьба Земли его нисколько не волновала, возможно, он даже и забыл о ней. Но Конану, так же как и Амрику, приходилось сталкиваться с пиктами, и его не могла не потрясти их поразительная отвага Натиск пиктов не могли сдержать даже могучие воители Севера. Союзники пиктов лигурийцы в бою мало чем отличались от этих свирепых дикарей.

За свою богатую приключениями жизнь Конан успел навидаться всякого, монахов и жрецов разного рода он тоже насмотрелся. Лигурийские волшебники друиды всегда казались ему чем-то особым, — казалось, никто не приближался так близко к слепящему свету истины, как эти спокойные улыбчивые люди в белых одеяниях, которым дубовый венец заменял корону.

Разговор вышел долгим, не одну чашу вина вы пили Конан и Дивиатрикс. Конан слышал это имя и раньше, ибо среди друидов

Дивиатрикс был первейшим из первых. Не единожды боги говорили с людьми устами этого человека, известного своим пристрастием к хмельным напиткам. О, это был великий друид, — даже сам Деканаватха Кровавый Топор, предводитель воинства пиктов, что не склонялся ни пред кем и ни пред чем, целовал землю, обагренную кровью тысяч врагов, когда Дивиатрикс прошел мимо его жилища.

Верховный друид пришел из Великой Нуадвиддонской Рощи, повинуясь приказу Владыки Бездны Нуаденса Аргатлама Серебряной Руки. Дивиатрикс принес мрачному гиганту послание Повелителей Творения, некогда вынудивших Конана покинуть родную Киммерию и отправивших его на борьбу со злом в западной части мира. Помимо прочего, в послании этом говорилось и о некой пластинке, выточенной из неведомого камня, что был тяжел как жадеит, но цветом походил на пурпурные башни древней Валузии. Конан понял, что это за камень, хотя даже составители «Книги Скелоса» не посмели сказать о нем ни слова.

Захмелевший Белый Друид говорил с Конаном целый час. Начинало светать, У шатра появились наследница зингарского трона дочь покойного короля Фердруго Хабела вместе со своим супругом, что хотели просить Конана о помощи в изгнании самозванцев и восстановлении в Зингаре законной власти. Принцесса Хабела, ее супруг Оливеро и их пышная свита стояли у шатра до самого рассвета. Конан слушал рассказ хмельного человечка, одетого в лохмотья.

Солнце еще не взошло, когда запели трубы. Шатры тут же были свернуты, и уже через полчаса аквилонские рыцари были готовы к походу.

Разговор с принцессой занял у Конана десять минут. С той поры, как он видел Хабелу, прошло уже лет двадцать. Тогда она была совсем юной, Конан же в ту пору служил капитаном зингарского капера. Он смог спасти от посягательств коварного стигийского мага Тот-Амона трон Зингары, которой до самой своей смерти правил старый король Фердруго.

За эти годы Хабела заметно располнела. Она все еще была привлекательной, но уже начинала походить на матрону. Седовласый король Аквилонии поцеловал ее в щеку и справился о здоровье одиннадцати детей, но тут же прервал ее и подозвал к себе ее супруга. Приказав Оливеро встать на колени, Конан возложил на его плечи свой тяжелый меч и взял с него клятву в верности и послушании. После этого Конан во всеуслышание объявил Оливеро и Хабелу законными королем и королевой Зингары, сюзереном же их, естественно, становился правитель Аквилонии. Он тут же направил их в Кордаву, приказав небольшому отряду рыцарей следовать за ними в качестве охраны.

Конан потряс головой, пытаясь избавиться от сонливости, и взобрался на своего вороного жеребца. Над воинством, в котором было шесть тысяч воинов, считая всадников и пеших, взвился черный стяг с золотым львом. Войско направилось на юго-восток, к границе Аргоса. Конан шел войной на Стигию.

3. Поход к Стиксу

Каждый переход длился не менее десяти часов. Армия могучих аквилонских иоменов двигалась так стремительно, что достигла пределов Аргоса прежде, чем до него долетела весть о том, что армия герцога Панто разбита наголову. Конан отправил послание второму сыну короля Мило юному Ариостро, который находился где-то на юге страны, собирая новое воинство. Конан извещал юного принца о том, что Зингара более не угрожает его стране и восшествию Ариостро на престол теперь не помешает ничто. В то же самое время король Конан испрашивал милостивого разрешения Ариостро на переход подвластных ему земель аквилонской армией, направляющейся в Стигию.

Король направил гонцов к своим вассалам Людовику Офирскому и Балардусу Кофанскому. Он просил их передать в его распоряжение армии числом не меньше двух тысяч человек, считая конников и пеших. Армии должны были встретиться на берегу Стикса у Бубастейского Брода.

Войско аквилонцев продвигалось все дальше и дальше на юго-восток. Вместе со всеми в скрипучей повозке, запряженной мулами, ехал и маленький друид. Главного своего глашатая герольдмейстера Черного Виверна Конан отослал в свою столицу Тарантию. Ни Просперо, ни Тросеро не понимали того, что же замыслил король, спрашивать же его об этом они не осмеливались, ибо прекрасно знали характер Конана.

Конан пронесся по Шему словно ураган. Страну зеленых пажитей войско прошло за неполных пятнадцать дней. Время от времени на их пути попадались города, обитатели которых тут же запирали все ворота и выходили на крепостные стены с оружием в руках.

Конану приходилось посылать вперед Тросеро, командовавшего отрядом герольдов, — старый граф был велеречив и хитер и потому легко справлялся со своей непростой задачей. Каждому князю он сообщал о том, что войско аквилонцев не собирается воевать с жителями Шема, одновременно он испрашивал княжеского соизволения пройти по его землям и тут же предлагал им деньги. Серебра он не жалел, и потому князьки тут же великодушно соглашались с ним и даже благословляли Конана.

Разумеется, войску аквилонцев ничего не стоило смести эти города с лица земли, но Конан предпочитал не затевать лишних свар и старался решать все вопросы миром. Мародеров он жестоко наказывал, — стоило

кому-то из солдат утащить в кусты темноглазую уроженку Шема или разжиться где-то свежим мясом, как его брали под арест, с тем, чтобы повесить на виду у всех. В молодости Конан и сам был повинен в подобных грехах, но сейчас иного выхода у него попросту не было, — закон есть закон. Кован вел свое воинство на Стигию и потому старался сохранять тылы безопасными. Обычно города-государства Шема соседей своих не тревожили, ибо были заняты внутренними распрями и теологическими спорами. Объединиться они могли лишь пред лицом иноземного вторжения. Конану приходилось воевать с жителями Шема, — как за них, так и против них. Крючконосые чернобородые ашуры не уступали воинам других стран ни в силе, ни в доблести.

В полдень побелевшее от дорожной пыли войско Конана вышло на берег Стикса. Лагерь был разбит в ивовой рощице неподалеку от Бубастейской Переправы. Здесь воины провели полтора дня. За это время они успели отдохнуть и привести в порядок себя и свое оружие. В середине второго дня на берегу появились легионы, прибывшие из Кофа и Офира.

Утром в лагере появился и принц Конн, старший сын короля. С собою он привел табун лошадей. Мальчику было всего тринадцать, но он уже ничем не отличался от своего отца, почти не уступая ему ни ростом, ни силой.

Принц проехал земли Шема за десять дней, но, казалось, что он вернулся с утренней прогулки. Синие глаза его радостно поблескивали, на щеках играл румянец. Стоило принцу появиться в лагере, как поляна огласилась радостными криками. Воины любили его не меньше, чем короля, и отправились бы за ним хоть в ад.

Конн остановил коня перед королевским шатром и, спешившись, направился к своему отцу. Лицо Конана оставалось суровым, хотя сердце его ликовало. Он сухо ответил на приветствие сына и пригласил его в шатер. Стоило им скрыться от посторонних глаз, как Конан обнял сына так, что у того затрещали ребра.

— Как поживает твоя матушка? — спросил он.

— Все в порядке, — ответил Конн, улыбаясь. — Когда она услышала о том, что я буду участвовать в сражении, она стала реветь как корова. Больше всего она боится того, что я промочу ноги.

— Что ты хочешь, — мать есть мать, — проворчал Конан. — Ты бы знал мою матушку… Но послушай меня, сын, — никогда не называй свою мать коровой!

Это нехорошо!

Мальчик согласно кивнул, и глаза его"засверкали вновь.

— Отец, мы что, — действительно переправимся через Стикс? И я действительно буду сражаться рядом с тобой?

— Клянусь Кромом, как же ты еще глуп! Разве иначе я смогу научить тебя воинскому искусству? Когда ты унаследуешь трон, тебе придется защищать его от врагов внешних и внутренних. Гимнастический зал сам по себе не плох, но будущему королю следует упражняться и на бранном поле. Но смотри, — ты должен делать только то, что я прикажу тебе, — ни в коем случае не бросайся на врага очертя голову, — слава богу, я тебя уже знаю! Ну да ладно, — скажи мне лучше, как поживают твои брат и сестра?

Конн стал рассказывать отцу о своем младшем брате семилетнем Таурусе и о маленькой сестричке Радогунде.

— Я рад это слышать! — сказал Конан, выслушав рассказ сына. — А жрецов ты с собой привел?

— Да. Они привезли маленький ларец, разрисованный странными знаками; что в нем — я не знаю… Конан кивнул.

— Можешь считать, что в нем спрятано наше тайное оружие. Ну а теперь отправляйся спать. Мы должны оказаться в Стигии еще до рассвета.

4. За Рекой Смерти

Темные воды Стикса разделяли земли Шема и Стигии. Кое-кто называл Стикс Рекой Смерти, ибо считалось, что от его вод поднимаются ядовитые испарения, а в глубинах его не может выжить ни одно живое существо. Последнее явно не соответствовало действительности, — всю ночь со стороны реки слышались рев крокодилов и тяжелое сопение бегемотов. На людей же река действительно оказывала губительное воздействие, — тот, кто хотя бы единожды окунался в воды реки Стикс, заболевал мучительной неизлечимой болезнью.

Никто не знал, откуда берет начало эта река. Она терялась где-то за стигийскими пустынями, в джунглях Кешана и Пунта. Поговаривали, что на землю она вытекает из самого Ада, дабы устрашать и губить людское племя.

Войско пришло в движение еще до рассвета. Первым на камни Бубастейской Переправы ступил вороной жеребец Конана. На противоположном берегу виднелись развалины древней крепости, некогда охранявшей брод. Восстанавливать ее стигийцы и не думали, — границы Стигии теперь охранялись конными дозорами.

Справа и слева от крепости тянулись поля пшеницы. Справа виднелась и крошечная деревушка, стоявшая на самом берегу. Сразу же за узкой полоской пальм и возделанных земель начиналась пустыня, поросшая зарослями верблюжьей колючки.

Бок о бок с Конаном ехали Тросеро, командовавший Черными Драконами, и Паллантид, помощник главнокомандующего. Отъехав подальше от берега, Конан развернул коня и стал наблюдать за тем, как проходит переправа. Аквилонцы шли по броду двумя колоннами. Стоило легионам выйти на берег, как командиры отдали воинам команду разуться. Приказ этот исходил от самого короля. Люди недовольно ворчали, не видя в этой странной процедуре ни малейшего смысла, однако Конан не обращал на это никакого внимания, — ему уже доводилось бывать в этих местах, и он знал, что означало промочить здесь ноги.

Король отправил в разведку взвод всадников. Покусывая ус, граф Тросеро подъехал к своему господину и обратился к нему с вопросом:

— Мой повелитель, может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями? Конан угрюмо кивнул.

— Хорошо, друг мой, я и так слишком долго держал вас в

безвестности.

— Зачем мы приехали в эту чертову Стигию? — спросил Паллантид.

— В Стигии живет наш главный враг — колдун Тот-Амон.

Конн, сидевший неподалеку, тут же навострил уши.

— Тот-Амон? — изумленно воскликнул он. — Тот

самый Тот-Амон, по приказу которого в прошлом году меня похитила похиольская ведьма?

— Разумеется. Есть только один Тот-Амон, — мрачно ответил Конан. — Клянусь Кромом, — как хороша была бы земля, если бы на ней не было этого мерзавца! Белый Друид поведал мне о планах стигийца.

— Вы говорите об этом тщедушном пьянчужке Дивиатриксе?

— Этот тщедушный пьянчужка — величайший белый маг нашего времени!

Тросеро испуганно замолк, вспомнив о том, как груб он был со старым друидом.

Конан продолжил:

— Оракул Великой Рощи пиктов поведал мне о том, что действиями Панто руководил стигийский колдун. Тот-Амон либо подкупил Панто, либо смог завладеть его сознанием.

— Но зачем? — изумился Тросеро. Паллантид, съехав со склона, направился к воинству, — пора было двигаться дальше.

— Он хотел, чтобы я покинул Тарантию, — ответил старому графу Конан. Стигиец знал, что я выступлю против зингарцев вместе с вами. Он надеялся на то, что на игры с Панто у нас уйдет никак не меньше пары недель, в течение которых о Тарантии мы и не вспомним…

— Тарантия! Неужели речь идет о королеве?

— Успокойся, дружище. Зенобии и ее детям ничто не угрожает. В Тарантии хранится то, чего Тот-Амон страждет сильнее всего на свете. Он надеялся завладеть этой вещицей в мое отсутствие. Для этой работы он нанял лучших воров мира — Гильдию Ариньона.

Но Тот-Амон сильно просчитался. Он не предполагал, что я разобью армию Панто так быстро, и не знал о том, что ко мне направлен Белый Друид, посланец самого Нуадвиддона. Он забыл и о том, что весенний разлив сделает перевалы Заморы недоступными, и ворам придется идти в Тарантию кружным путем.

Тот-Амон считает, что я все еще нахожусь на севере и охочусь за Панто в горах Пуантена. Он ни о чем не

подозревает, ибо не знает того, что мне ведомы его планы. Белый Друид сделал все возможное, чтобы наш поход остался незамеченным

стигийцем. Если нам повезет, мы окажемся у стен его дворца прежде, чем он узнает о том, что наше воинство пересекло границу Стигии.

— Что же это за вещица, которой он так страждет? — спросил Тросеро.

— Я знаю, граф! — воскликнул мальчик. — Это… Конна перебил внезапно подъехавший генерал Паллантид:

— Король, все снаряжение уже здесь! Люди готовы к походу!

Конан кивнул.

— Генерал, отдавай приказ к выступлению! Веди армию на восток, — милях в трех отсюда находится Бахр, там ты повернешь на юг и пройдешь вверх по течению еще полмили. Я догоню вас.

Повернувшись спиной к Стиксу, Конан обратил свой взор к мглистым далям пустынной Стигии.

— Вот уже второй раз он посягает на мой трон, — еле слышно пробормотал он. — Ну что ж, — теперь мы сразимся на его земле. Быть может, здесь он сможет поразить нас своими чарами, но теперь и они не страшны нам, — ведь Боги Света на нашей стороне. Смерти я не боюсь, а против клинка моего, думаю, будут бессильны и бесовские чары!

Затрубили рога. Спустившись к реке, всадники поскакали вслед за удалявшейся армией.

5. Город мертвых

Казалось, что над Стигией довлеет какое-то страшное проклятие. Чем дальше в глубь этой пустынной страны продвигались аквилонские воины, тем тревожнее становилось у них на душе. В завываньях ветра им чудился чей-то шепот; то и дело откуда-то из-под земли звучали тихие голоса, от которых стыла кровь в жилах. Людей не оставляло ощущение, что за ними следят. Солнце нещадно палило, словно желая изгнать непрошеных гостей. Никакой воды не хватило бы для того, чтобы утолить мучившую воинов жажду.

Они подошли к деревушке, состоявшей из крошечных домишек, что были сложены из необожженной глины. Смуглые ее обитатели при виде грозного воинства тут же пустились в бегство. Бахр оказался мутной илистой речушкой, на берегах которой лежало множество гигантских крокодилов, тяжело плюхавшихся в воду при виде людей.

Войско повернуло на юг и пошло в глубь стигийских земель, стараясь не терять речку из виду. То и дело людям приходилось продираться через густые заросли колючего кустарника. Воины сжимали в руках амулеты, ежеминутно поминая богов и читая мантры. Они направлялись к сердцу этой зловещей, объятой потусторонним мраком земли.

Принц Конн взглянул на солнце и, пришпорив коня, догнал своего отца.

— Отец, мы ведь идем прямо на юг! Конан пробурчал что-то невнятное.

— Но, — не унимался мальчик, — я всегда считал, что Тот-Амон живет в Оазисе Хаджар, который находится куда западнее!

Конан пожал плечами.

— Я рад тому, что тебя научили читать карты. Дело в том, что Тот-Амон покинул это страшное грязное место. Он избрал своей новой обителью Нептху.

— Нептху?

— Это древний полуразрушенный город на самом юге страны. Мы скоро подъедем к нему. Несколько лет тому назад Тот-Амон смог завладеть всей этой страной. Тогда же он стал верховным магом Черного Кольца, всемирного братства черных магов, тайный центр которого находится именно в этом городе. Он переехал сюда из Хаджара с тем, чтобы постоянно держать это нечестивое братство под своим контролем.

Однажды он уже терял свою власть. Его соперники, такие же колдуны, как и он сам, продали его в рабство. Именно тогда он и появился в Аквилонии-.

— Так это он насылал на тебя демона, который не растерзал тебя лишь потому, что на твоем плече был знак феникса?

— Кто же еще? Так уж случилось, что Тот-Амон вновь обрел свое кольцо власти и вернулся в Хаджар. В это время Братством Черного Кольца командовал его соперник — маг Тутотмес, избравший своей резиденцией Кеми. Сила Тутотмеса была заключена в талисмане, называемом Сердцем Ахримана.

На какое-то время Черное Кольцо распалось надвое — одни приняли сторону Тутотмеса, другие — Тот-Амона. Но не успели маги сразиться между собой, как на Тутотмеса напал отряд колдунов из Кхитая. Они убили его и, завладев его талисманом, стали охотиться за мной. Но смерть ждала и их. Сердце Ахримана попало ко мне и я вернул его в Тарантию.

Теперь, как я уже сказал, Тот-Амон единолично правит Черным Кольцом, пытаясь вовлечь в него всех черных магов мира. Оракул поведал мне о том, что сейчас он находится в Нептху.

Конан закончил свой рассказ и задумчиво покачал головой. Внимательно слушавший его граф Тросеро спросил:

— Как охраняется этот город? Конан пожал плечами.

— Об этом может знать только Митра. Я слышал о том, что этот давно покинутый жителями город превратился в руины. Быть может, маги отстроили его заново и залатали прорехи в его стенах. Но для нас, я думаю, это не имеет особого значения, — под моим началом десять тысяч воинов, — мы сможем взять город штурмом.

— Всяк может быть, — неожиданно раздался тонкий голосок друида, ехавшего вслед за ними на своей повозке.

Тросеро повернулся в седле и увидел, что друид снова пьян. Заставив себя улыбнуться, граф пробормотал:

— Ох и не нравится мне эта земля! В ответ Конан не сказал ни слова; дальше они ехали молча.

Солнце уже клонилось к западу, когда разведчики вернулись в лагерь. Город Нептху был мертв.

Армия двинулась дальше, и вскоре воины увидели пред собой развалины древнего города. От огромной стены, некогда окружавшей город, осталось лишь несколько надвратных арок, покрытых резными изображениями щерящихся чудовищ.

Город был совершенно мертв, лишь несколько пташек летало над

развалинами. Крыши домов были провалены, стены превратились в груды камня. Нигде не было видно ни огней, ни дыма очагов.

Жеребец Конана задел копытом круглый белый камень, что лежал на дороге. Неожиданно легко камень откатился в сторону, обратившись к людям провалами пустых глазниц. Это был человеческий череп, лежавший здесь с незапамятных времен. Все здесь было мертво. Единственными жителями этого города были скорпионы и песчаные гадюки.

— Что будем делать? — пробормотал граф.

— Разбиваем здесь лагерь. Воду можно брать в Бах-ре, — распорядился Конан. — О дальнейшем пока думать не стоит.

Скалящийся череп наблюдал за людьми. Казалось, что он усмехается.

6. Каменное чудовище

Они разбили лагерь за стенами разрушенного города. Конан прекрасно понимал, что на засыпанных песком и булыжником улицах древней стигийской столицы воины будут чувствовать себя не в своей тарелке. Древние руины особое место, — они населены незримыми тварями и силами, что терпеливо ждут своего часа и околдовывают каждого, кто только посмеет приблизиться к пепелищу, некогда кипевшему жизнью. Стигия и так кишела всевозможной нечистью, это же место даже для нее было особым.

Пока солдаты ломали камыш на берегу Бахра, разведчики объехали окрестные земли. Вернувшись, они доложили своим командирам о том, что места эти совершенно пустынны и необитаемы, — здесь не было ни дорог, ни поселений, единственным примечательным предметом на много миль вокруг была гигантская фигура каменного идола. Солнце уже клонилось к западу, когда Конан повел свой отряд к истукану. Стоило всадникам подъехать к каменному чудищу, как огромный вороной жеребец короля громко заржал и испуганно завращал глазами.

— Кром, Митра и Варуна! — воскликнул Конан, изумленно разглядывая каменного колосса. Тросеро вслух выругался; Белый Друид же, помянув Нуаденса, Дану и Эпону, тут же приложился к фляге с вином.

Каменное чудище сидело, припав к земле, — казалось, что оно готовится напасть на неведомую жертву. Оно было вырезано из блестящего черного камня похожего на базальт или гагат. Оно походило на сфинкса, но голова его была не львиной и не человечьей, — скорее она была похожа на голову собаки или шакала.

— Признаться, я считал, что черные маги этой страны поклоняются только Древнему Змею Сету, — сказал Тросеро. — Никак не возьму в толк, — что же это за чудище?

Дивиатрикс зажмурился.

— Клянусь рогами Кернунноса, это дьявольская гиена Хаоса, — пропищал он. Вот уж не думал, что люди когда-нибудь изваяют ее в камне!

Конан разглядывал фигуру гиеноподобного сфинкса, изумляясь все больше и больше, — скульптор, изваявший ее, был гениален, — она выглядела настолько правдоподобно, что казалась живой. Пасть чудища была слегка приоткрыта, так что видны были ее мощные острые клыки. Казалось, что гиена вот-вот зарычит и бросится на незваных гостей. От

одной только мысли об этом у Конана по спине пошли мурашки.

— Я думаю, нам пора ехать назад, — сказал король, — иначе это чудище явится нам во сне.

Закатные огни погасли; стигийские пустыни погрузились во тьму. Узкий серп луны на миг показался из-за горизонта, но тут же зашел вновь. Все небо было усыпано яркими мерцающими звездами. Многие созвездья были совершенно неизвестны аквилонцам.

Палаточный городок расположился в полумиле от стен древнего Нептху. Костры ярко горели, озаряя своим пламенем окрестные земли. Завернувшись в одеяла поплотнее, люди пытались уснуть. Стражи — на этот раз их было вдвое больше, чем обычно, — вышли в ночной дозор. Стояла мертвая тишина, однако в воздухе чувствовалось странное напряжение.

Утомленный многодневным походом Конан так и не смог уснуть. Было уже за полночь, когда он поднялся со своего ложа и приказал оруженосцу зажечь лампу. Он плеснул в кружку вина и сел на легкий походный стульчик. Спать совершенно не хотелось, напротив, — он чувствовал необычное возбуждение, которое обычно посещало его в минуты опасности.

Ругнувшись, Конан стал одеваться.

— Доспехи! — распорядился он. — Нет, нет — к черту латы, — неси кольчугу! Мы пойдем пешком.

Король отказался надевать всю амуницию, ибо, с одной стороны, это заняло бы слишком много времени, с другой — он стал бы слишком неповоротливым. Сапоги, шлем и перевязь — вот и все, что он надел на себя. Конан открыл обитый железом сундук и достал из него маленькую шкатулку, привезенную жрецами Митры из Тарантии.

Киммериец зашел в соседние шатры и разбудил Конна и Тросеро. Затем он отправился в палатку Белого Друида. Тот не спал, — завернувшись в одеяло, друид сидел возле жаровни. Казалось, что Дивиатрикс был погружен в глубокий транс, — он едва заметно покачивался, глаза же его были слегка прикрыты. Друид напомнил Конану кхитайца, накурившегося мака.

— Вставай, друид! — громко сказал король. — Я чувствую опасность.

Лицо лигурийского жреца было бледным как смерть, глаза его смотрели куда-то в пустоту.

— Глаза, — прошептал друид, — зрячие тени… Где-то поблизости силы зла…

Конан потряс лигурийца за плечо.

— Вставай, жрец! Ты что, — снова пьян? Дивиатрикс едва заметно улыбнулся.

— Пьян? Клянусь грудью Матери Дану, король,

выпитого мною вина хватило бы на то, чтобы свалить с ног все войско, я же трезв как стеклышко!

Конан вздрогнул и, распахнув полог палатки, выглянул наружу. Там никого не было.

7. Зрячие тени

Не мешкая больше ни минуты, Конан вышел под открытое небо. Удивленный друид, прихватив свой дубовый посох, поспешил за ним. Рядом с палаткой Дивиатрикса стояли Тросеро, блиставший полной выкладкой, и позевывающий Конн. В следующее мгновенье к ним присоединился Паллантид.

— Что случилось, мой господин? — недоуменно спросил генерал.

— Не знаю что, но что-то точно случилось, — проворчал король. — Разрази их Кром этих колдунов!

— Может быть, стоит поднять войско?

— Пока не надо. Пусть люди поспят хоть немного. Лучше усильте дозор. Я предлагаю переговорить с караульными, — возможно, они что-нибудь заметили. Паллантид, пришли-ка мне парочку ребят покрепче, что не побоятся ни человека, ни бога, ни самого дьявола!

Через несколько минут из темноты появилось два гандерландских воина, позвякивавших оружием и непрестанно зевавших. Это были рослые кряжистые парни с безмятежными словно у детей лицами. Взглянув на них, Конан одобрительно кивнул головой.

— Идем!

Они прошли меж рядами солдатских палаток и подошли к караульным. Тем не удалось заметить ничего подозрительного, однако Амрик, командовавший дозором, сказал:

— Все спокойно, Ваше Величество. Тишина полнейшая, вот только шакалы где-то воют. Правда, некоторые наши люди жалуются на, — как бы это вам сказать, — да, — жалуются на тени!

— Какие-такие тени? — грозно спросил Конан. Кофанский воин почесал бороду.

— Да глупость это какая-то, Ваше Величество! Они говорят, что видят тени там, где их быть не должно, — в том смысле, что без предмета тени не бывает. Эти идиоты говорят, что тени наблюдают за ними!

— Зрячие тени! — воскликнул Дивиатрикс. — Выходит, я не ошибся!

Конан стал нервно покусывать ус.

— Значит, говоришь, тени? Похоже, они скоро и мышей станут бояться! Ну что ж, сейчас мы посмотрим — так ли это.

Ослабив ножны, Конан повел свой небольшой отряд вкруг лагеря. Вместе с ним в дозор вышли Тросеро, Конн, старый друид и два воина-

гандерландца. Сухой песок тихо поскрипывал под их сапогами. Факелы в руках солдат шипели и потрескивали. В свете пламени хорошо просматривалась вся округа.

Юный Конн внезапно замер и, схватив отца за руку, указал на что-то пальцем. Посмотрев в этом направлении, Конан ахнул от неожиданности.

— Следы! Выходит, за нами действительно следят! А они говорят мне о каких-то тенях! Чего-чего, а следов тень не оставляет…

Тросеро взял в руку рукоять своего меча.

— Мой господин, не пора ли нам поднимать армию?

— Из-за одного шпиона поднимать целое войско? Да это же смешно! Нет, — мы пойдем по этому следу и придем в их логово! Прежде чем мы их не выследим, будить людей не стоит. — Конан подозвал к себе одного из гандерландцев. Отправляйся в лагерь и расскажи Паллантиду о том, что мы здесь увидели. Мы пошли по следу. Пусть он пошлет вслед за нами отряд отборных воинов. Если нам понадобится помощь, мы подадим им знак. Я хочу застать врага врасплох, от них же шума будет столько, что впору оглохнуть.

Киммериец поспешил по таинственному следу. Долгий переход истомил его настолько, что он и думать забыл об осторожности. Спутники едва поспевали за ним. Вскоре лагерь совершенно исчез из виду.

— Смотрите, Ваше Величество! — прошептал Тросеро, указывая рукою вперед.

Присмотревшись получше, Конан увидел далеко впереди человека в черной мантии, на голову которого был наброшен капюшон. Человек этот направлялся к Черному Сфинксу. Образ тут же померк. Конан протер глаза и вновь стал всматриваться во тьму.

— Вперед! — прошептал он и прибавил шагу.

8. Ночной призрак

Звезды медленно кружили над головой. Конан и его спутники крались по следу таинственной тени. Как они не спешили, ни догнать, ни хорошенько рассмотреть эту темную фигуру они не могли, — словно призрак она маячила где-то впереди.

Через какое-то время они оказались у подножья гигантского монумента. Огромная каменная гиена смотрела на них своим немигающим взглядом. Фигура в плаще вошла в узкий проход меж лапами чудовища, поднялась к его груди и исчезла.

— Кром! — прошептал пораженный Конан. Он был варваром и потому смертельно боялся всего сверхъестественного.

Однако вскоре загадка эта была разрешена. Стоило им подойти к каменной груди чудовища, как они заметили трещинку, что становилась все тоньше. Они стояли пред огромной, в два человеческих роста, дверью, что захлопывалась буквально у них перед носом.

Конан метнулся вперед и вставил в щель свой клинок. Гигантская дверь замерла. Напрягшись изо всех сил, так что пот выступил на его лбу; Конан попытался потянуть дверь на себя. Щель стала пошире, и он смог просунуть в нее пальцы.

Дверь со скрипом открылась. Конан поднял свой меч и, ни минуты не раздумывая, вошел внутрь. Остальным не оставалось ничего иного, как только следовать за ним. Последним в дверь вошел друид, видно было, что делает он это нехотя.

Воина-гандерландца Конан отослал назад, напутствовав его такими словами:

— Торус, слушай! Разопри дверь своей пикой и беги в лагерь. Пусть Паллантид ведет сюда все наше войско. Да смотри — нигде не задерживайся! Мы отправимся вперед — ждать вас мы не будем.

Они оказались в просторном коридоре с высокими сводами. Пламя факела тревожно затрепетало. Конан и его спутники осторожно двинулись вперед, боясь попасть в западню или засаду. По широкой каменной лестнице, которой заканчивался коридор, они спустились вниз и оказались под землей.

— Клянусь Митрой, — именно поэтому мы никого не встретили! — прошептал Тросеро. — Все колдуны спрятались здесь — в этом подземном лабиринте!

Это действительно был лабиринт. Подземные коридоры то и дело разветвлялись, образовывая запутанную сеть. Чтобы не заблудиться, Конан при каждом повороте делал смолистым факелом отметку на стене. Они шли все дальше и дальше вперед, но коридоры оставались все так же пусты. «Где же скрываются эти проклятые колдуны?» — подумал Конан и сказал вслух:

— Мы все идем и идем, а этим коридорам и конца не видно! Если правы те, кто утверждает, что земля круглая, мы скоро окажемся на другой ее стороне!

Они вновь подошли к лестнице. Стоило им спуститься по ней, как Тросеро испуганно прошептал:

— Мой господин, может быть, нам все-таки стоит дождаться других?

— Может быть и стоит, — угрюмо ответил ему Конан. — Но прежде я хочу хорошенько осмотреть это место. Воины скоро подойдут, нам же пока, как видишь, опасаться некого. Идем!

Они стояли в огромной круглой зале, схожей с амфитеатром. Повсюду виднелись каменные скамьи. Конан поднял факел высоко вверх, но так и не смог рассмотреть центра залы. Ему вдруг вспомнился огромный ипподром в его столице Тарантии.

— Интересно, — для чего им эта штука? — озадаченно пробормотал он.

Тросеро хотел было что-то ответить ему, но тут вдруг раздался совсем иной голос. Это был низкий, полный силы голос, в котором звучали торжествующие нотки.

— С помощью этой штуки, Конан Аквилонский, мы избавляемся от наших врагов!

Конан вздрогнул. Прежде чем он успел двинуться, вспыхнул холодный искусственный свет, который был едва ли не столь же ярок, как свет солнца, хотя и не имел видимого источника. Киммериец увидел, что на скамьях, стоявших по другую сторону залы, сидят сотни и сотни одетых в черное людей. Справа от них зияла огромная арка, что была ничуть не меньше той двери, через которую они проникли в подземелье.

Прямо перед ними на огромном троне, вырезанном из черного камня, восседал крупный человек, одетый в простую зеленую рясу. Видно было, что это чистокровный стигиец, — хищное лицо его казалось вырезанным из бронзы, темные глаза смотрели на людей едва ли не брезгливо.

— Добро пожаловать в мою империю, — усмехнувшись, сказал Тот-Амон.

Если бы Конан знал, что Торус, которого он послал за подкреплением,

лежит, истекая кровью, в сотне метров от черного сфинкса, пронзенный стигийской стрелой…

9. Оружие стигийцев

Паллантид не успевал отдавать команды. Со всех сторон звучали трубы и гремели копыта.

Стоило Конану и его спутникам исчезнуть за каменной дверью, как дела приняли дурной оборот. Все началось с предательства кофанского и офирского легионов. Палатки их стояли на самом краю лагеря. Дозорные один за другим подбегали к генералу, докладывая ему о том, что все кофанцы и офирцы внезапно покинули лагерь, то ли поддавшись панике, то ли заранее решив покинуть аквилонское воинство.

Паллантид принялся ругаться на чем свет стоит. Он отдал приказ поднять взвод кавалерии и нагнать предателей, но тут вдруг оказалось, что аквилонцы остались без коней, — на них бежали пешие легионеры Кофа и Офира.

В это время в лагере появился один из гандерландцев, который передал генералу приказ Конана о снаряжении отряда, что должен был направиться вслед за своим королем. Не успел Паллантид отправить людей, как к нему подбежал еще один запыхавшийся дозорный.

— К оружию, мой господин! Мы окружены! Стигийцы идут на нас со всех сторон!

Из-за барханов, окружавших лагерь, на поле выехало множество вражеских лучников. Понять сколько их было невозможно. Они с диким воем носились вкруг лагеря, засыпая его стрелами. Стигийцы стреляли наудачу, однако стрелы их тут же унесли с десяток жизней. Лагерь наполнился криками и стонами.

На вершине одного из барханов появился взвод лучников, стрелявших огненными стрелами. Подобно кометам прорезали они ночную темень. Одна за другой стали вспыхивать палатки.

Аквилонские воины по большей части уже не спали, — их разбудила суета, возникшая при известии об измене. Задыхаясь от дыма, они выходили из своих палаток, на ходу надевая шлемы и перевязи.

— Тушите огонь! — закричал Паллантид. — Сворачивайте палатки! Сенвульф! Где ты, черт бы тебя побрал?!

— Я здесь, — ответил стоявший рядом с ним капитан боссонских лучников. Где король?

— Бог его знает! Он отправился по следу шпиона! Расставь своих людей вкруг лагеря и заставь их поупражняться в стрельбе. Пусть обратят

особое внимание на тех, что стреляют огненными стрелами. Амрик!

— Я здесь, мой генерал!

— Пусть твои люди, вооружившись пиками, окружат боссонцев. Надеюсь, брустверы они и без моей помощи выроют.

Тот-Амон зловеще улыбнулся.

— Слишком уж часто ты переходил мне дорогу, киммериец, — сказал самый страшный колдун Земли. — Впервые ты ступил на эти земли сорок лет назад. Я должен был раздавить тебя еще тогда, когда ты был немощен и мал. Знай я тогда, с кем я имею дело, и я уничтожил бы тебя одним движением мизинца. Я мог это сделать в доме Кальяна Публике или в столице Зингары Кордаве, когда ты помешал мне стать ее правителем. Я мог убить тебя в крепости графа Валенсо, что стояла на самом берегу Западного Моря, где я увидел тебя впервые. Мог я тебя уничтожить и в бытность свою рабом Аскаланта из Тарантии, — тогда ты только начинал править Аквилонией, — верно? Как видишь, просчетов я допустил немало, но ничего — это дело поправимое.

Конан отдал факел Тросеро и сложил на груди свои могучие руки. Лицо его оставалось бесстрастным, глаза же сверкали синим пламенем.

— Ты можешь говорить что угодно, стигиец. В конце концов каждый имеет право на свое мнение, — спокойно заговорил Конан. — И все же для того, чтобы заманить меня сюда, ты истратил едва ли не все свои силы, — верно?

Со скамей послышались шипение и полные возмущения крики. Тот-Амон сардонически рассмеялся.

— Ну ты и пес! Твое спокойствие восхищает меня так же, как моих собратьев возмущает твоя дерзость! Но поверь мне, — теперь тебе уже никто не поможет. Ты заслужил наказание — слишком уж часто ты мешал мне. Будем считать, что наша комедия подошла к концу. В ловушку попал не только ты, в ловушке оказалась и твоя армия. Пока мы любезничаем, мои воины сражаются с твоими людьми. Аквилонским рыцарям не устоять против наших сабель. Сегодня погибнет не только король, — вместе с ним исчезнет с лица земли и его воинство.

Конан пожал плечами.

— Как знать. Боюсь, мои рыцари изрубят твоих людей как капусту. В этом я нисколько не сомневаюсь.

— Ты забываешь о том, что мы вооружены не только саблями…

Тот-Амон улыбнулся и щелкнул пальцами. Из пальцев его вырвалась изумрудная молния, пронзившая меч Тросеро. Сталь мгновенно раскалилась докрасна. Тросеро, вскрикнув, выронил меч из рук и сунул

обожженные пальцы в рот

— На нашей стороне и магия, — закончил Тот-Амон.

Конан смотрел на Тот-Амона так же бесстрастно.

— С магией возможно бороться магией, — тихо сказал он.

Крошечный человечек, стоявший рядом с Конаном, сбросил со своих плеч темный плащ, прикрывавший его белую мантию и дубовый посох. На трибунах поднялся переполох.

— Это Белый Друид из страны Пиктов! — громко сказал кто-то.

— Верно, — мрачно кивнул Тот-Амон. — Если мне не изменяет память, то это никто иной, как Дивиатрикс.

— Дивиатрикс! — испуганно вскричали с трибун. Верховный маг жестом руки успокоил своих собратьев. На Конана и его товарищей устремились взгляды сотен глаз. Установилось напряженное молчание.

Конан почувствовал, как по спине его поползли мурашки. Сердце его стало наполняться смертельным хладом. Члены его онемели, зрение стало слабнуть, сердце билось все реже и реже. Юный Конн охнул и зашатался.

— Колдовство… — почти беззвучно прошептал Конан. Все вокруг него поплыло, — еще минута, и он должен был грохнуться наземь…

10. Белый друид и черный маг

И тут друид рассеял колдовские чары. Он развел руки в стороны и взмахнул своим дубовым посохом. К изумлению Конана, посох вдруг покрылся нежной листвой. Дивиатрикс стоял в центре пульсирующей золотой сферы. В воздухе запахло молодой зеленью. Золотистый свет и благоуханье заполнили собою всю залу.

Маги Черного Кольца в страхе отвернулись. Иные из них вытирали с лица пот. Дивиатрикса стало пошатывать, — похоже, хмель все же ударил ему в голову. Однако не взирая ни на что этот маленький тщедушный человечек продолжал держать залу под своим контролем.

Тот-Амон уже не смеялся, — сведя брови, он пытался сконцентрироваться. Неожиданно он поднялся во весь свой рост и послал в сторону Белого Друида изумрудную молнию. Дивиатрикс отразил ее своим посохом, и она превратилась в сноп шипящих искр, которые тут же погасли.

Однако Тот-Амон не унимался — он метал в друида все новые и новые молнии. Воодушевленные примером своего предводителя, маги один за другим подымались на ноги, и вскоре на друида посыпался настоящий изумрудный ливень. Какое-то время золотой пульсирующий щит ауры защищал друзей, но чувствовалось, что Дивиатрикс уже начинает слабнуть. Все чаще и чаще изумрудные молнии впивались в песок у самых ног Конана и его товарищей.

— Белой магии недостает силы, киммериец! — радостно воскликнул Тот-Амон.

— Значит, настало время прибавить ей сил! Конан вынул из-за пояса маленькую шкатулку и достал из нее кроваво-красный кристалл, тут же наполнивший залу ослепительным сиянием. Конан передал камень Дивиатриксу, и тот схватил его так, как утопающий хватается за руку спасателя.

Стоило друиду взять камень, как золотая аура вспыхнула с невиданной силой, ослепив своим блеском колдунов. Крики ужаса раздались с трибун, — кто-то пытался бежать, кто-то, заслонив от света глаза, падал замертво. Белый Друид исполнился нечеловеческой силы, — теперь он казался огромным. Визг не затихал. Маги теснились в узких проходах, пытаясь поскорее покинуть залу.

— Сердце! — воскликнул Тот-Амон, смертельно побелев. В одно

мгновенье он превратился в дряхлого старика. — Сердце Ахримана! — вновь горестно возопил он.

Конан рассмеялся.

— Ты думал, что я приду в твое логово без этого талисмана? Наверное, ты считаешь меня все тем же глупым юнцом, который сорок лет назад покинул Север и отправился скитаться по свету!

Все эти годы Сердце хранилось под сводами Митраэума. Когда друид поведал мне о твоих коварных замыслах, я послал гонцов за ним и за старшим своим сыном. С этим амулетом старый Дивиатрикс сможет одолеть и тысячу твоих магов.

Я знаю, почему ты так жаждал заполучить его, — ты боялся, что кто-нибудь сможет использовать его против тебя. Именно для этого Боги Запада послали этого друида в пустынные стигийские земли. Никто, кроме него, не сможет устоять перед соблазном, исходящим от этого камня, — еще бы! Владеющий им подобен богу! Лишь Дивиатрикс, этот маленький пьянчужка, способен исполнить волю богов!

Лицо Тот-Амона искривилось гримасой боли, руки его безвольно повисли. Многие маги были уже мертвы, прочие носились по зале в поисках выхода, а золотое сияние становилось все сильнее и сильнее…

Однако Тот-Амон и не думал сдаваться. Конан, ужаснувшись, увидел, что мага стала заволакивать тьма, обнимавшая его огромными змеиными кольцами. Неужто сам Сет решил прийти на помощь своему верному слуге? Тяжело дыша, Тот-Амон пробормотал;

— Ты заставляешь меня прибегнуть к силе, киммериец…

Темные кольца вокруг него стали сгущаться; теперь были видны только его горящие глаза. Конана бросило в дрожь, когда он услышал страшное заклинание, слетевшее с уст мага. Странные и страшные эти словеса отразились эхом от каменных сводов.

Теперь все взгляды были устремлены на черный провал в дальнем конце залы. Тьма неожиданно пришла в движение. Тот-Амон радостно засмеялся.

11. Исчадие тьмы

Из провала медленно выходило что-то темное. Понять что это Конан не мог, ибо движущееся темное пятно казалось ему продолжением тьмы провала. Однако пятно это не было и тенью, ибо земля под ногами неведомого чудовища тяжело содрогалась.

— Кром! — прошептал потрясенный Конан. Товарищи его при виде этого чудовищного зрелища испуганно отступили назад.

— Да помогут нам боги! — простонал Дивиатрикс. — Это и есть то существо, которое люди изваяли в камне! Адские твари, подобные этой, слишком тяжелы для нашей земли. Подумать страшно, — сколько столетий оно ждало этой минуты! Теперь мы можем надеяться только на Владык Света, — даже Сердце Ахримана не позволит мне совладать с этим Исчадием Тьмы, порождением самого Хаоса!

Конан обвел взглядом усеянные трупами скамьи. Все маги, включая самого Тот-Амона, покинули залу, убоявшись зверя, пробудившегося от многовекового сна.

— Скорее наверх! — прокричал Конан. — Тросеро, дай мне факел! Бежим! Бежим!

Они понеслись вверх по лестнице и вскоре уже бежали по разветвленным запутанным коридорам. Конан то и дело посматривал по сторонам, надеясь обнаружить какой-нибудь узкий проход, в который не смогло бы протиснуться черное чудовище. Однако все коридоры были одинаково широки, похоже, лабиринт строился именно для чудища.

Надеяться им было почти не на что. Громыхая сапогами, Конан несся по бесконечным коридорам, призывая на помощь бесстрастных богов своей холодной родины.

Вскоре вокруг лагеря выросли укрепления из песка и всевозможного скарба, которые хоть как-то защищали вооруженных острыми пиками гандерландцев, рыцарей Аквилонии и Пуантена и метких боссонских лучников. Стоило стигийской армаде приблизиться к лагерю, как лучники, поднимаясь во весь рост, осыпали их таким морем стрел, что стигийцы немедленно отходили назад. Тяжелые аквилонские стрелы легко пронзали тонкие кольчуги врага, и вскоре возле укреплений лежали уже целые горы вражеских трупов.

Паллантид был настроен крайне мрачно. На востоке уже занимались сумерки, но грядущий день не сулил его армии ничего хорошего.

Оставшиеся без конницы аквилонцы не могли нанести превосходящему их числом противнику ответного удара, — стигийская кавалерия тут же разгромила бы пехотинцев.

Свои позиции им пока удавалось отстоять, но с рассветом у стигийцев должен был появиться могущественный союзник — раскаленное солнце пустыни. Запасы воды подходили к концу, о том же, чтобы прорваться к берегам Бахра, не могло идти и речи.

Запаса стрел должно было хватить еще на час-другой. Даже при самом удачном стечении обстоятельств аквилонцы могли продержаться разве что до вечера.

И тут генерал увидел нечто странное. Стигийская армада, неистово кружившая вокруг лагеря, неожиданно стала отходить, — всадники поскакали в направлении Черного Сфинкса. Не прошло и получаса, как стигийское воинство скрылось за барханами.

Паллантид тут же послал вслед за ними известного своей проворностью воина. Тот взобрался на высокий бархан, стоявший поодаль, и вскоре уже был в лагере.

— Нет, генерал, — возвращаться они пока не думают. Все их воинство собралось у этой отвратительной статуи. Они слушают своих полководцев. Но, похоже, долго отдыхать нам не придется, — если я не ошибся, среди них появились всадники, одетые в черную броню.

Паллантид обернулся на свое воинство. Люди завтракали как ни в чем не бывало.

— Возможно, мы и отобьем первую их атаку, — тихо сказал Паллантид Сенвульфу и Амрику. — Но я нисколько не сомневаюсь в том, что за первой атакой последует и вторая. На передний край обороны мы должны выставить рыцарей, одетых в латы…

Генерал вдруг почувствовал всю безнадежность их теперешнего положения. Спасти их могло разве что чудо…

И куда же запропастился Конан?

12. Пиршество черного зверя

Каменная дверь со скрипом отворилась. На пороге показался огромный Конан, державший в руках факел. За ним стояли принц Конн, граф Тросеро и друид Дивиатрикс, сжимавший в кулаке Сердце Ахримана.

Свет звезд начинал меркнуть. Люди стояли в узком проходе меж лапами каменного чудища, каждая из которых была высотой в два человеческих роста. Перед ними расстилалась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустиками верблюжьей колючки.

Впереди не было видно никого и ничего, однако с другой стороны — откуда-то из-за каменной лапы — слышались поскрипывание седел, бряцание оружия, пофыркивание верблюдов и человеческие голоса. Громче всех звучал голос стигийского генерала, призывавшего своих воинов не щадить врага, осквернившего своим появленьем святые земли Стигии. Голос его отражался эхом от каменной громады.

Приложив ладонь к уху, Конан прислушался, — из подземелья послышались тяжелые шаги гиеноголового чудовища.

— Оно идет за нами, — прошептал он. — Вперед нам тоже идти нельзя, похоже, Тот-Амон собрал здесь всю свою армию. Если мы попытаемся бежать, они тут же заметят нас…

Земля стала подрагивать. Где-то за Черным Сфинксом запели трубы и забили барабаны. Стигийское воинство пришло в движение.

Конан затушил факел и жестом пригласил спутников следовать за ним. Едва люди вышли из каменного коридора, как в темном проеме появилась чудовищная гиена. Остановившись на пороге, зверь стал принюхиваться.

— Смотрите, — там овражек! — прошептал Конан, указывая вперед. — Бежим!

Они метнулись в сторону и, скатившись на дно неглубокого овражка, залегли, боясь пошевелиться. Чудовище медленно пошло вслед за ними. И в тот же миг из-за левой лапы каменного истукана выехали передовые колонны стигийцев. Чудище стояло в нескольких метрах от них.

Ночь наполнилась криками, полными ужаса. Град стрел и копий полетел в черного зверя.

Чудовище заревело и бросилось на стигийцев. Оно давило людей своими страшными лапами и рвало в клочья их коней и верблюдов, справляя свой ужасный пир. Кони, обезумев, сбрасывали с себя седоков, которые тут же оказывались в пасти черного зверя. Генерал попытался

было остановить своих объятых паникой людей, но те уже не слышали его, — армия стигийцев пустилась в бегство-Черный зверь носился по полю, давя людей сотнями. Он все убивал, и убивал, и убивал…

Едва над горизонтом показалось солнце, чудище поспешило в свое подземное логово. Каменная дверь с глухим стуком закрылась.

Конан и его спутники, все это время лежавшие на дне овражка, направились к лагерю. Аквилонцы, приготовившиеся к последнему бою, встретили их радостными криками.

Часть имущества сгорела во время ночного пожара. От стрел стигийцев погибло несколько десятков воинов. Раненых же было куда больше.

Конан и Паллантид приказали своим воинам изловить коней и верблюдов, бродивших вокруг лагеря, и собрать брошенный стигийцами скарб. Армия готовилась к новому походу.

Белый Друид, так и не выпускавший из рук Сердце Ахримана, занялся исследованием духовного плана. Очнувшись от транса, он сообщил Конану, что Тот-Амон покинул Нептху и направился на юго-восток, в таинственное царство Зимбабве.

Армия была готова к выступлению. Рыцарские латы были заменены на легкие кольчуги, не обременявшие низкорослых стигийских лошадок своим весом. Части воинов пришлось пересесть на верблюдов.

Конан тоже сел на верблюда, обхватив его передний горб ногами.

— Еще бы я не знал, как это делается! — довольно посмеивался он. — Кто как не я командовал кочевниками Зуагира! Если с верблюдом обходиться по-доброму, он и коня переплюнет.

Прищурившись, он посмотрел на затянутый белесой дымкой горизонт. Сидевший в своей повозке Дивиатрикс блаженно улыбался. Он вновь был пьян.

— И все же Владыки Света нас не оставили, король! — громко воскликнул друид и, повернувшись к Конну, ехавшему на стигийском пони, попросил у него меч.

Конн передал Дивиатриксу свой клинок, и тот указательным пальцем правой руки начертал на нем несколько рун, чудесным образом запечатлевшихся на его булатной стали.

— Что это? — изумился Конн, взяв меч в свои руки.

Дивиатрикс хитро заулыбался.

— Ничего не спрашивай, мальчик. С тебя достаточно будет и того, что прошлой ночью мне посоветовали это сделать. Мне было сказано, что руны эти тебе помогут. Ну а теперь, позвольте мне откланяться!

К Конану подъехал его боевой генерал Паллантид.

— Армия готова к маршу, Ваше Величество! — доложил он.

— Чего же ты ждешь? Давай команду к выступлению!

— Позвольте узнать, — куда же мы теперь направляемся? — ехидно осведомился Тросеро.

Конан широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами.

— В Зимбабве, — куда же еще?! Если понадобится, то мы отправимся и на край света! Над пустыней запели трубы.